

ОГЛАВЛЕНИЕ

В. С. Автономов. Предисловие к русскому переводу	9
Х. Маас. Предисловие	19
Детство, школьные и студенческие годы Джевонса	22
Приключения Джевонса в Австралии	25
Раскол между экономической теорией и статистикой в середине XIX века	28
Математика и «физическая основа» экономической науки	32
Неопределенность при обмене	34
Исследовательский дух Джевонса	37
Избранные труды	39
Список литературы	39
Предисловие к первому изданию (1871)	43
Предисловие ко второму изданию (1879)	46
Предисловие к третьему изданию (1888)	76
Предисловие к четвертому изданию (1911)	77
Глава 1. Введение	81
Математический характер экономической науки	82
Путаница между математическими и точными науками	84
Возможность точного измерения	85
Измерение чувств и мотивов	89
Логический метод экономики	92
Отношения между экономикой и этикой	97
Глава 2. Теория удовольствий и страданий	101
Удовольствия и страдания как величины	101
Страдания противоположны удовольствиям	104
Предвосхищение чувств	105
Неопределенность будущих событий	107
Глава 3. Теория полезности	109
Термины и их определения	109

Законы человеческих потребностей (wants)	110
Полезность — не внутреннее свойство благ	113
Закон изменения полезности	115
Общая полезность и степень полезности	118
Изменения последней степени полезности	120
Антиполезность и антиблага	124
Распределение блага при разных вариантах его применения	125
Теория размерности экономических величин	127
Реальная, будущая и потенциальная полезность	133
Распределение блага во времени	135
ГЛАВА 4. ТЕОРИЯ ОБМЕНА	139
Значение обмена в экономике.	139
Неоднозначность термина «ценность»	140
Ценность выражает меновое отношение	141
Распространенное использование термина «ценность»	141
Размерность ценности	145
Определение рынка.	146
Определение торгующей стороны	149
Закон безразличия	152
Теория обмена	154
Математическая формулировка теории	156
Аналогия с теорией рычага	159
Препятствия на пути обмена	162
Иллюстрации к теории обмена	164
Проблемы в теории обмена	166
Сложные случаи теории.	168
Конкуренция при обмене	170
Несостоятельность уравнений обмена	172
Отрицательная и нулевая ценность	178
Равноценность благ.	183
Приобретенная полезность товаров	186
Выигрыш от обмена	189
Численное определение законов полезности	192
Мнения о колебаниях цен	194
Колебания цены зерна	196
Источник ценности	203
ГЛАВА 5. ТЕОРИЯ ТРУДА	209
Определение понятия «труд»	209

Количественные определения труда	211
Изложение теории в математических символах	215
Размерность труда	217
Равновесие между потребностями и трудом	218
Распределение труда	221
Отношения между теориями труда и обмена	223
Отношения между экономическими величинами	226
Разные случаи применения теории	229
Совместное производство	232
Перепроизводство	235
Пределы интенсивности труда	236
ГЛАВА 6. ТЕОРИЯ РЕНТЫ	243
Существующие мнения относительно ренты	243
Математическое изложение теории	246
Примеры к теории	249
ГЛАВА 7. ТЕОРИЯ КАПИТАЛА	253
Функция капитала	253
Капитал связан со временем	254
Количественные понятия, связанные с капиталом	258
Выражение для нахождения величины инвестиций	261
Размерность капитала, кредита и дебита	261
Значение продолжительности работы	263
Примеры инвестирования капитала	265
Основной и оборотный капитал	268
Свободный и инвестированный капитал	268
Единообразие ставки процента	269
Общее выражение для ставки процента	270
Размерность процента	272
Пикок о размерности процента	274
Тенденция прибылей стремиться к минимуму	276
Выгода от использования капитала для промышленности	278
Считать ли капиталом предметы, находящиеся в руках у потребителей?	281
ГЛАВА 8. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	287
Доктрина о народонаселении	287
Взаимоотношения зарплат и прибыли	288
Мнение профессора Хирна	292
Вредное влияние авторитета	293

Приложение I. ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКТОРА к ТЕОРИИ ПРОЦЕНТА АВТОРА	297
Приложение II. Отрывок о капитале, изначально предназначавшийся для Главы XXV «Принципов экономики» У. С. Джевонса	309
<i>Капитализация</i>	309
<i>Преимущества капитализации</i>	311
<i>Капитал, вложенный в образование</i>	313
Приложение III. Краткое изложение общей математической теории политической экономии	317
Приложение IV. СПИСОК МАТЕМАТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ КНИГ, СТАТЕЙ И ДРУГИХ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ	327
Приложение V. СПИСОК КНИГ И СТАТЕЙ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ АВТОРА НАСТОЯЩЕЙ КНИГИ	343
ПРИЛОЖЕНИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	
УЧЕБНИК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ	
Предисловие переводчика	349
Предисловие автора	353
Глава I. Введение	355
Глава II. Полезность	364
Глава III. Производство богатства	371
Глава IV. Разделение труда	379
Глава V. Капитал	388
Глава VI. Распределение богатства	393
Глава VII. Заработная плата	398
Глава VIII. Профсоюзы	405
Глава IX. Кооперация и т.д.	420
Глава X. Земельная собственность	428
Глава XI. Обмен	437
Глава XII. Деньги	444
Глава XIII. Кредит и банковское дело	449
Глава XIV. Кредитные циклы	454
Глава XV. Функции правительства	461
Глава XVI. Налоги	464
Заключение	472
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	472
УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ к ПРИЛОЖЕНИЮ IV.	475

В. С. Автономов
ПРЕДИСЛОВИЕ
К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ

Ровно полтора века назад мир экономической науки огласился первыми залпами маржиналистской революции. В 1871 г. без всякого предварительного согласования «Аврора» выстрелила на Дунае («Основания» Менгера) и Темзе («Теория» Джевонса), а в 1874-м — доплыла и до Женевского озера («Элементы» Вальраса). Так называемая маржиналистская революция — может быть, самая увлекательная тема в истории экономической науки. Еще бы: наука меняет метод, предмет и даже имя, и все это вроде бы в течение каких-то трех лет — с 1871 по 1874 г.! Правда, проницательный взгляд обнаруживает более сложную картину. Во-первых, глас предтеч маржинализма раздавался в пустыне еще в 1830—1850-е гг. У троих «революционеров»: Менгера, Джевонса и Вальраса — было несколько предшественников в разных странах. И если одни из них — Дюпюи, Тюнен и пр. — разрабатывали каждый какой-то ограниченный аспект маржиналистского анализа, то Госсен в 1854 г. изложил теорию предельной полезности практически в готовом виде. Следовательно, опыт маржиналистской революции скорее учит нас тому, что ценные идеи несколько раз возникают и отвергаются (а чаще просто не замечаются) в истории экономической науки, пока не складываются условия для их восприятия.

Во-вторых, что-то похожее на революционное низвержение прежней теории и воцарение новой наблюдалось, пожалуй, только в Англии, где Джевонс, в силу особенностей своего характера, действительно чувствовал себя ниспровергателем основ (их в данном случае олицетворял Дж. С. Милль). Во франкоязычных научных кругах связь ценности благ с их редкостью никогда не уходила от внимания исследователей, в частности отца Леона Вальраса — Огюста, так что революционность Вальраса-сына в глаза не бросалась. А в немецкоязычном

сообществе, для которого писал Менгер (посвящение «Оснований учения о народном хозяйстве» Рошеру позволяет утверждать, что аудитория Менгера не ограничивалась Австрией), произошла даже некоторая контрреволюция. В Германии дело закончилось победой исторической школы и изгнанием маржиналистов из немецких университетов.

В-третьих, окончательной победы революции пришлось ждать не меньше, чем еще лет двадцать. Даже в тех странах, где маржиналистская революция победила, это произошло только в 1890-е гг. усилиями второго поколения маржиналистов (Маршалла, Бём-Баверка, Визера, Парето).

Таким образом, даже если рассматривать только временной аспект, маржиналистская революция предстает перед нами как своего рода оптический обман, присущий нашему времени: как только мы наводим на события XIX в. достаточно мощную подзорную трубу, революция размывается, превращаясь в длительный, прерывистый процесс с длительными паузами и даже моментами возвратного движения. Действительно, мы можем скорее говорить о «постепенном трансформировании старых идей»¹. Это впечатление оптического обмана еще усиливается, если навести наш прибор на различия между самими тремя богатырями-основоположниками.

Согласно М. Блаугу, можно говорить скорее о трех «смежных» революциях: «революции предельной полезности в Англии и Америке, субъективистской революции в Австрии и революции общего равновесия в Швейцарии и Италии»². Здесь отражается прежде всего различие духовных традиций: английской, эмпиристско-утилитаристской, восходящей к Френсису Бэкону; французской, картезианской, для которой критерий истинности идей — ясность и отчетливость, а такие идеи естественно связывать математически; и аристотелианско-схоластической в немецкоязычных странах, в которой исследователь имеет дело с сущностями и явлениями и причинно-следственными связями между ними.

У. С. Джевонс был самым многосторонним деятелем маржиналистской революции. Помимо достижений в области

¹ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994. С. 287.

² Там же. С. 288.

экономической теории, он внес весомый вклад в экономическую статистику, предложив первый индекс цен, опубликовал обширный трактат по логике, получил первую известность как прикладной экономист статьями о рынках угля и золота. Начинал он исследованиями по метеорологии, из которых выросла его теория экономических циклов, основанная на колебаниях солнечной активности. В этом издании помещен его главный трактат в области экономической теории и вводный учебник политической экономии.

Как уже упоминалось, среди отцов-основателей маржинализма Джевонс был единственным революционером по духу. В письме брату Герберту в 1860 г. Джевонс пишет: «В последние несколько месяцев мне повезло изобрести правильную теорию экономики, настолько основательную и последовательную, что я теперь не могу без отвращения читать другие книги по этому вопросу»¹. Не случайно свою главную книгу он назвал «The Theory of Political Economy». В этом названии важны два момента. Во-первых, оно означает, что раньше политическая экономия теоретической, в полном смысле слова, не была. А во-вторых, определенный артикль говорит, что такая теория может быть только одна, а именно та, которую предлагает Джевонс. Заключительную главу своей «Теории политической экономии» он посвятил полемике против вредного влияния авторитетов, под которыми имелись в виду в первую очередь Дж. С. Милль и Кэрнс, а также отчасти Рикардо. Господствующая ко времени написания «Теории» Джевонса классическая школа политической экономии не видела перспектив в использовании в данной науке эмпирических и, в частности, математических методов. Милль строго отделял общественную науку политическую экономию от наук естественных. Он считал индукцию в данном случае невозможной и полагался на дедукцию из априорных предпосылок, доступных нам благодаря интроспекции. Милль не верил в эмпирические исследования в экономике из-за искажающих влияний внешних факторов. Напротив, Джевонс между науками о материи и науками о сознании не видел принципиальной

¹ Keynes J. M. William Stanley Jevons, 1835—1882: A Centenary Allocution on his Life and Work as Economist and Statistician // *Journal of the Royal Statistical Society*, 1936, Vol. 99, No. 3. P. 531.

разницы¹. Он полагал, что искажающие влияния — это ошибки измерения, которые в среднем выравниваются². Но это не должно мешать эмпирическим исследованиям. Экономические законы, согласно Джевонсу, относятся не к индивидам, а к средним величинам. Поэтому в разделе «Теории», посвященном обмену, он пишет не об индивидах, а о торгующих сторонах (trading bodies). Он полагал, что его теория верна и для индивидов, но данные о них пока получить невозможно³. Такой подход привел Джевонса к внутреннему противоречию: применительно к «торгующим сторонам» трудно говорить о каких-либо страданиях и наслаждениях.

Новый исследовательский канон Джевонса в экономической науке можно назвать физиолого-математическим. Его основу составляли теория ценности, основанная на полезности и редкости и оснащенная дифференциальным исчислением. Собственно математиком Джевонс, в отличие от Курно и Вальраса⁴, не был, он был естествоиспытателем с математическим уклоном (химиком, метеорологом и т.д.) и считал, что естественные науки и их математические методы исследования — ключ к решению всех без исключения проблем, стоящих перед человеческим разумом, причем в каждом случае требуется своя математика. Математика «Теории политической экономики» ближе к механике, что характерно для британских математиков XIX в.⁵ Многих современных читателей, особенно математиков, удивляет знаменитая диаграмма Джевонса, посвященная теории обмена, где вдоль одной оси, но в противоположных направлениях откладываются количества благ

¹ Более того, он логически анализировал и собственный внутренний мир. Возможно, заняться общественными науками Джевонса побудил анализ собственных чувств, которые возникли у него по получении известия о смерти отца. В дальнейшем он предпринял и попытку исследовать пользу от занятий музыкой, которую любил всю жизнь. Бескомпромиссным самоанализом Джевонс отчасти напоминал Льва Толстого, который, конечно, в этой области был далек от каких-либо математических приемов.

² Peart S. J. *The Economics of W. S. Jevons*. L.; N.Y.: Routledge, 1996.

³ Jevons W. S. *The Theory of Political Economy*. 2nd ed. P. 86.

⁴ Считается, что Вальрас был плохим математиком, его обозначения были неуклюжими, но мыслил он все равно как математик.

⁵ Maas H. *William Stanley Jevons and the Making of Modern Economics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 12.

первого и второго участников обмена. Но если мы представим себе, что эта диаграмма изображает рычажные весы, уравновешивающие степени полезности двух благ, картинка станет гораздо понятнее!

Под полноценной математической экономической теорией Джевонс понимал нечто, напоминающее программу будущего Эконометрического общества, объединяющее анализ теоретических функций и эмпирических данных. Там, где были доступны данные, например, о солнечной активности, урожаях и экономической активности, можно было перейти к графикам временных рядов, как в концепции экономических циклов, изложенной в записке Джевонса 1862 г., зачитанной в Королевской статистической ассоциации. Кстати, именно эта возможность дала козырь в руки противникам Джевонса, которые сделали выводы, что имеющиеся данные не подтверждают связь между солнечными вспышками и экономическими циклами. Поэтому в «Теорию политической экономии» эта теория так и не попала. Там же, где полных данных не было, например в теории ценности и обмена, Джевонс ограничивался гипотезами о виде функций, связывающих наблюдаемые и ненаблюдаемые переменные (ценность и полезность), а окончательная математическая теория «откладывалась на завтра». Но Джевонс явно надеялся на то, что в будущем наблюдения и эксперименты в области физиологии (подобные закону Вебера—Фехнера, работам Дженнингса, собственным изысканиям Джевонса в области соотношения между работой и мускульной усталостью) помогут эмпирически выяснить форму соответствующих экономических функций. Получается, что по степени готовности к математизации теория труда и издержек Джевонса превосходит теорию ценности и полезности, поскольку в последнем случае нам пока недоступны измерения. В целом самая знаменитая монография Джевонса — это пока еще не задуманная им математическая теория экономики, а скорее ее обещание.

Будучи историком экономической науки, не могу не обратить особое внимание на предисловие Джевонса ко второму изданию «Теории», которое, вероятно, можно назвать первой историей экономического анализа, написанной задолго до Шумпетера. Опираясь преимущественно на французских авторов, итальянцев, немногих англичан, а главное, открытого им

Госсена (писавшего на неподвластном Джевонсу немецком языке), он описал вклад своих предшественников в использование математических методов в экономике и в теорию полезности. На пересечении этих двух множеств как раз и находились немногие истинные предшественники Джевонса (Дюпюи, Госсен), которым он честно отдал должное.

В подробном предисловии Харро Мааса читатель найдет характеристику этапов жизненного пути и творческой биографии Джевонса, а также содержания его главного труда по экономической теории. Здесь же мы ограничимся краткими заметками, относящимися к восприятию маржинализма и конкретно Джевонса в нашей стране.

В России судьба маржинализма была непростой. Экономист в России должен был быть больше, чем просто экономистом, он обязан был иметь мнение по острым общественным проблемам — и прежде всего о возможности или невозможности развития капитализма в России. Новшества маржиналистов казались русским экономистам слишком техничными, в лучшем случае с их помощью можно было поддерживать социалистические идеи, как это делал Туган-Барановский¹. При этом из трех корифеев маржиналистской революции меньше всего внимания досталось именно Джевонсу. Можно сказать, что нематематическая часть русских экономистов (среди них Туган-Барановский и Струве) с наибольшим интересом восприняла идеи австрийской школы — об этом свидетельствуют издания русских переводов книг Менгера и Бём-Баверка. Немногочисленным русским матэкономистам (Дмитриев, Шапошников, Слуцкий) ближе всего были идеи Вальраса (который к тому же был в чем-то социалистом) и Парето, хотя до русских переводов их трактатов на русский язык дело дошло лишь совсем недавно: *Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии*. М.: Изограф, 2000; *Парето В. Учебник политической экономии*. РИОР, 2018.

Русский же перевод «Теории политической экономии» Джевонса выходит в свет только сейчас. В чем причина? Нам кажется, что она состоит в отрицательном отношении русских экономистов к утилитаризму. В стране крайностей, где целая

¹ См.: Макашева Н. А. Как маржинализм приходил в Россию? Два эпизода из истории // *Terra Economicus*. 2009. № 3. С. 29—41.

группа обществоведов, в том числе экономистов, перешла от марксизма прямо к религиозному мистицизму, учение, ставившее во главу угла «презренную пользу», видимо, казалось недопустимо плоским. К русским нигилистам, «ставившим сапоги выше Шекспира», по крылатому выражению Достоевского, это тоже относится — их отрицание идеалов носило не спокойно-прагматический, а революционно-нигилистический характер, было рассчитано на эпатирование публики. Русским читателям действительно скорее могли быть вняты «острый галльский смысл и сумрачный германский гений», но никак не деятельная и рассудочная устремленность ко всеобщему благу, свойственная многим английским мыслителям¹.

В этом томе читателю предлагается первый русский перевод «Теории политической экономии» Джевонса, данный по ее четвертому изданию. Русский читатель сможет наконец сам оценить книгу, которую Джон Мейнард Кейнс назвал первой современной книгой по политической экономии и которая стала для него стимулом, чтобы самому заняться этим предметом.

В это издание помимо «Теории политической экономии» включен и учебник политической экономии Джевонса (издан в 1878 г.), переведенный на русский уже в дореволюционное время. В последние годы жизни Джевонс увлекся написанием популярных текстов по разным наукам (кроме политэкономии туда входила и логика). Это уже совершенно другой жанр. Мы привыкли считать, что первым учебником вводного уровня по экономической науке стала «Экономика» Пола Самуэльсона, первое издание которой вышло в 1948 г. Строго говоря, это действительно так, потому что текст Самуэльсона включал вопросы, задания, словом то, что называется «методическим шлейфом». У Джевонса ничего этого нет. Но по уровню изложения, в котором нет обсуждения теоретических вопросов,

¹ Похожее отношение к утилитаризму характерно не только для людей православной культуры, но и для получившего католическое воспитание Шумпетера. Здесь уместно будет вспомнить, что семья Джевонса принадлежала к унитариям — склонному к свободомыслию и терпимости направлению протестантизма, для которого характерны убеждение в том, что разум, а не вера является определяющим в поиске истины, а также активная благотворительная деятельность и поддержка социальных реформ.

это настоящий вводный учебник. Анализировать его отдельно вряд ли имеет смысл. Интереснее сопоставить его с текстом «Теории». Мы увидим, что методологические вопросы и проблемы техники анализа в учебнике отсутствуют. Крайне лаконично представлен подраздел про ценность в главе «Обмен», из которого у внимательного читателя может создаться впечатление, что ценность определяется полезностью и редкостью, но невнимательный может просто проскочить этот параграф, а такие понятия, как последняя степень полезности, здесь просто не упоминаются. В «Теории» же это главная часть. Но есть и противоположные примеры: например, глава про капитал, где Джевонс достаточно развернуто излагает свою оригинальную концепцию капитала как потребительских благ, потребление которых собственником откладывается до конца производственного процесса.

В связи с учебником хотелось бы остановиться на социально-политических взглядах Джевонса, особенно в вопросе о рабочем движении и профсоюзах. В поздневикторианской Англии и особенно среди английских экономистов этот вопрос являлся центральным. Мы знаем, что на Джевонса значительное влияние оказала критика, которой подверг Уильям Торнтон в 1867 г. классическую (в миллевской версии) теорию фонда заработной платы. Критика Торнтон и развернувшаяся в связи с ней дискуссия имели политический контекст. Если фонд заработной платы в экономике был зафиксирован, это лишало смысла борьбу профсоюзов за увеличение зарплаты.

Весьма развернут и соответствующий раздел учебника Джевонса. Интересно, что автор русского предисловия к учебнику (1905 г.) считает нужным «извиниться» за «манчестерство» Джевонса в рабочем вопросе и его скептическую оценку деятельности профсоюзов. Понятно, что в эпоху первой русской революции такая позиция должна была казаться реакционной. Но если внимательно вникнуть в то многое, что писал Джевонс об отношениях труда и капитала и о государственной политике в этой области, мы поймем, что с «манчестерством», т.е. последовательным отстаиванием принципа свободы торговли во всех случаях, его объединяло разве что проживание и работа в славном городе Манчестере.

Его позиция максимально далека от каких-либо идеологических пристрастий¹.

Джевонс предостерег от безоглядного следования принципам, даже таким, как «свобода» и «собственность». В области, где действуют группы людей с разными интересами, необходимо быть максимально конкретным и объективным. «Все классы общества являются тред-юнионистами в душе и различаются только энергией, изобретательностью и секретностью, с которыми они продвигают свои интересы»². Законодатель, вмешательству которого Джевонс не видит объективных пределов, должен как-то максимизировать две неуловимые переменные: свободу действий и наибольшее счастье, а для этого предлагать набор институтов³. Здесь мы видим, что Джевонс был последователем и продолжателем Бентама не только в вопросе об измерении страданий и наслаждений, который раскрывается в «Теории политической экономии»: «Каждое действие должно оцениваться в отдельности согласно соотношению добра и зла, которые оно порождает»⁴.

Обратите также внимание на главу про циклические колебания экономики, которая называется «Кредитный цикл» и включает в себя излюбленную автором тему колебаний солнечной активности и урожаев и их экономических последствий. Здесь Джевонс выражается более осторожно, чем в упомянутой записке 1862 г., не настаивая на строгой периодичности колебаний, но заметно, что он, подобно Галилею, внутренне убежден, что «все-таки она вертится».

¹ Samuels W. Introduction to The Transaction Edition // Jevons W. S. *The State in its Relation to Labour*. Routledge. 2017. P. viii.

² Jevons W. S. *The State in its Relation to Labour*. Routledge. 2017. P. xxvi.

³ Ibid. P. 14.

⁴ Ibid. P. xiii.

Х. Маас
ПРЕДИСЛОВИЕ

Уильям Стенли Джевонс (1835—1882) — безусловно, один из величайших умов в истории экономической науки. Сегодня мы помним его прежде всего как одного из «отцов» так называемой маржиналистской революции. «Теория политической экономии», впервые изданная в 1871 г., а затем существенно пересмотренная, расширенная и включающая библиографию трудов в области математической экономики в 1879 г., анализирует решения экономических агентов в математической форме с точки зрения предельных приращений полезности. Посредством этой «механики полезности и собственного интереса» экономические агенты — потребители, рабочие и т.д. — оптимизируют баланс удовольствий и страданий в пользу удовольствий. Полезность, выраженная в форме функции, стала основой новой теории ценности, которая заметно отклонилась от трудовой теории ценности классической политической экономии. Ценность стала ассоциироваться с меновой ценностью, а та, в свою очередь, — с тем, что мы сегодня называем предельной полезностью, а не с издержками производства. В «Теории» Джевонс заменил центральные проблемы, занимавшие классическую политическую экономию, — долгосрочную динамику экономического роста и распределения — проблемой формирования цены на рынках. В ней же он сформулировал центральную проблему экономической науки по-новому: как статическую задачу оптимизации, т.е. вопрос о том, как максимизировать общую полезность, имея определенное количество средств производства. Хотя Джевонс также обещал заняться проблемой формирования рыночной цены, в этой сфере он не преуспел.

Введение теории полезности и дифференциального исчисления способно затмить другие изменения в форме экономической аргументации, сыгравшие, возможно, не меньшую роль в том преображении экономической науки, которому

дал толчок Джевонс. Для подтверждения своих теоретических утверждений Джевонс использовал в «Теории» графики, а также (в меньшей степени) статистические данные. Графики и диаграммы играют еще более заметную роль в его новаторских эмпирических исследованиях, в которых он также ввел индексы цен, чтобы проследить, как повлияло на ценность золота открытие золотых месторождений в Калифорнии и Австралии. Значительная часть эмпирических работ Джевонса посвящена графическому сопоставлению циклов солнечной активности и колебаний цен на зерно в попытке установить между ними причинную связь.

Все эти инструменты, которые современный читатель принимает как должное, во времена Джевонса были для политической экономики столь же чужды, как и дифференциальное исчисление. Получается, что Джевонс разработал ряд инструментов, которые успешно используются в современной экономической теории, но, как это часто бывает с новаторами, не сумел в достаточной степени все их интегрировать. Монументальный труд «Принципы науки» (*Principles of Science*), который сам Джевонс считал своим главным произведением, увидел свет вскоре после публикации «Теории», в 1874 г. Однако «Принципы экономической науки» (*Principles of Economics*), книга, над которой он работал практически все 1870-е гг., так и не была закончена — и не исключено, что не только из-за безвременной смерти автора в 1882 г. В своем эссе в честь столетия со дня рождения Джевонса лорд Роббинс писал, что Джевонс «раз за разом оказывается на пороге современной теории», но ни разу не переступает этот порог, «к нашему большому разочарованию» (Robbins, 1936). Но кроме этого Роббинс писал, что гений Джевонса, вероятно, кроется не в самих его теоретических трудах, а в широте и разнообразии его работ.

Понимание того, что Джевонс создал свою теорию на полпути между политической экономией XIX в. и современной экономической теорией, помогает объяснить неоднозначную реакцию современников на выход его книги. Недавно изданный сборник рецензий и комментариев современников Джевонса показывает, что большинство рецензентов были настроены весьма доброжелательно (Inoue and Mosselmans, 2002). Однако

некоторые авторы, причем весьма влиятельные, выступили с критикой. Анонимная рецензия в газете *Saturday Review* за 11 ноября 1871 г. (автор, вероятно, Джордж Виргман Хемминг, математик и научный сотрудник кембриджского Колледжа Святого Иоанна) выражает озадаченность математикой Джеворнса, которая лишь формулирует то, что можно сказать словами, и не выполняет никаких собственных задач. Джон Эллиот Кэрнс, последний из классических экономистов, писал в 1875 г. в новом издании своего влиятельного труда «Лекции о природе и логическом методе политической экономии» (*Lectures on the Character and Logical Method of Political Economy*), что книга его «талантливого друга» не убедила его изменить методологические взгляды, изложенные им еще в 1857 г. Джон Стюарт Милль писал Кэрнсу в хорошо известном письме в декабре 1871 г., что хотя и не читал книгу Джеворнса, но настороженно относится к его «мании нагружать вопросы бессмысленными осложнениями и к системе обозначений, которая предполагает наличие более точных данных, чем эти вопросы допускают» (Mill 17, 1862—1863).

Даже Альфред Маршалл высказывался против «Теории». Впрочем, как справедливо указал Коллисон Блэк, Маршалл и сам думал в том же направлении, что и Джеворнс, и, возможно, просто был недоволен, что не успел издать свой труд первым. Кроме того, Маршалла тревожило, как агрессивно Джеворнс дистанцируется от своих предшественников, особенно в последнем разделе «Теории», — сам Маршалл пытался найти золотую середину между преимуществами старой школы и новым теоретическим подходом, основанным на математических методах и понятии полезности. Наконец, на тон отзыва Маршалла мог повлиять и тот факт, что его, одного из блистательных выпускников Кембриджа, обошел какой-то второсортный математик с севера.

Если мы не станем, как лорд Роббинс, рассматривать достижения Джеворнса с заведомо выигрышной позиции современной теории, мы сможем оценить мастерство и изобретательность, с которыми он создает новые инструменты для поиска ответов на свои вопросы. Джон Мейнард Кейнс пишет о том, как педантично Джеворнс изучал имевшиеся у него данные, «часами выводя свои диаграммы, обдумывая их, аккуратно

раскрашивая их, словно анатомические рисунки, в сдержанные, неяркие цвета, не переставая ни на минуту размышлять над ними, пытаться проникнуть в их тайное содержание». И действительно, Джевонс как будто исследовал анатомию или физиологию общества. Джевонс одинаково непринужденно чувствовал себя и в теории, в «черной магии индуктивной экономики», и был, по меткому определению Кейнса, «первым экономистом-теоретиком, исследовавшим свой материал пытливым взором и плодотворным, управляемым воображением ученого-естествоиспытателя» (Keynes, 1936). Задача полностью раскрыть потенциал тех инструментов, которые Джевонс завещал экономической теории, и развить результаты его первопроходческих усилий легла на плечи грядущих поколений экономистов.

Далее я попытался продемонстрировать, как Джевонс воспользовался своим знанием исследовательских методов естественных наук в сфере политической экономики и сумел тем самым радикально преобразить суть и научный образ экономической науки. Радикальность его нового подхода к политической экономике будет проще понять, если иметь в виду контекст викторианских дискуссий о надлежащих экономических методах.

Детство, школьные и студенческие годы Джевонса

Стенли Джевонс родился в Ливерпуле 1 сентября 1835 г., девятым ребенком в семье обеспеченных унитариев¹. Родители Джевонса, как и приходившиеся им родственниками семейства Бутов, Хаттонов и Мартино, принадлежали к кругу уверенных

¹ Удачные биографические эссе можно найти у Блэка и Конекампа (Black and Könekamp) во введении к их изданию трудов и переписки Джевонса, в монографии Шабаса (Schabas, 1990), а также у Мосселманса и Уайта во введении к недавно изданному собранию основных трудов Джевонса (Mosselmans and White). Впрочем, самое интересное изложение биографии Джевонса содержится в его собственных письмах и дневниковых записях, сборник которых выпустила его жена Гарриет посмертно (Jevons, *Letters and Journal*, 1886).

в себе унитариев, живших в сердце промышленной революции и свято веривших в то, что рациональная мысль и развитие науки служат на благо общества. Унитарии активно занимались организацией литературных, философских и статистических обществ, а также были первопроходцами зарождавшегося движения в поддержку общественной гигиены.

Отец Джевонса, Томас Джевонс, был фабрикантом железных изделий и, как считается, изобрел первый корабль, сделанный из железа. Мать, Мэри-Энн Роско, была дочерью Уильяма Роско, ливерпульского банкира и известного коллекционера фламандской и итальянской живописи¹. Мэри-Энн умерла в 1845 г.; любимый старший брат Стенли Роско сошел с ума; железная фабрика отца разорилась во время железнодорожного кризиса 1847 г. Семейство перебралось в Манчестер, но пошатнувшееся финансовое положение Джевонсов так и не исправилось. Стенли и его братья и сестры перешли из сословия торговой элиты в так называемый стесненный класс — сословие интеллектуально одаренных людей, не имеющих средств в свое удовольствие заниматься тем, что их интересует. Молодость Джевонса была примером той внезапной утраты материального благополучия, которую Томас Карлейль в «Прошлом и настоящем» называет «адам англичанина».

Учитывая происхождение Джевонса, неудивительно, что он рано пошел по пути изучения естественных наук, параллельно развивая свой интерес к нуждам и потребностям общества. Вначале Джевонс учился в Ливерпульской школе мастеровых, затем недолгое время провел в гимназии, где ему не особо понравилось, и наконец попал в школу при лондонском Университетском колледже. В возрасте всего шестнадцати лет его отправили жить в Лондон, где он посещал Всемирную выставку промышленных работ и ходил по «темным закоулкам рабочих районов», чтобы получить представление об условиях жизни бедного рабочего класса. В 1851 г. он поступил в Университетский колледж Лондона, где занялся математикой и химией.

Во время учебы в колледже Джевонс записался на курсы экспериментальной философии и химии, а также

¹ Коллекция Роско легла в основу собрания ливерпульской галереи «Уокер Гэллери».

в математическую группу Огастеса Де Моргана, первого профессора математики в Университетском колледже и зятя радикального унитария и математика Уильяма Френда. В то время курс, который вел Де Морган, считался самым сложным математическим курсом во всей Англии. Де Морган был яростным сторонником французского математического анализа — подхода, который к 1850 г. в Оксфорде и Кембридже все еще воспринимали с большим скептицизмом из-за неотделимого от него мировоззренческого принципа механицизма.

И математика Де Моргана, и его мировоззрение оставили на интеллектуальной жизни Джейвонса неизгладимый след. В своем труде «Формальная логика» (De Morgan, 1847: 26) Де Морган писал: «Что касается ума, то если рассматривать его как сложный механизм, то здесь наше положение даже хуже, чем у тех, кому предложили бы изучить и выяснить принцип работы часов путем одного лишь наблюдения за работой стрелок, без возможности заглянуть внутрь». В своих «Принципах науки» (Jevons, 1874: 222) Джейвонс вторит ему: «Мы находимся в положении наблюдателей, которые видят результаты работы сложного механизма, но не могут исследовать его внутреннее устройство». Аналогии с механизмами, предложенные Джейвонсом, сдвинули фокус изучения «законов ума» (сегодня мы назвали бы их психологическими законами) с самоанализа в сторону того внешнего наблюдения, которое мы находим в «Теории». Внешний наблюдатель не мог измерить внутренние мотивы другого человека. Но это не мешало ему анализировать их с научной точки зрения. Задачей экономической теории было раскрыть механизмы, стоящие за экономическими явлениями, — будь они скрыты в природе или в работе человеческого ума.

Хотя Джейвонс хорошо учился, он никогда не считал себя математиком (и не считался им на протяжении всей жизни). Его коньком были химия и экспериментальные науки. Он был удостоен нескольких медалей, в том числе золотой медали по химии. Через своего кузена, Гарри Роско, Джейвонс получил предложение стать пробирщиком на только что открывшемся монетном дворе в Сиднее. Поколебавшись, он принял предложенную должность, которая прекрасно оплачивалась — он получал 675 ф. ст. в год — и позволяла

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru